

Лекция . Новокрестьянская поэзия.

Самобытным явлением в литературе стала так называемая новокрестьянская поэзия. Литературное направление, представленное творчеством Н. Клюева, С. Есенина, С. Клычкова, П. Карпова, А. Ширяевца, сложилось и утвердилось в сер. 1910-х. Об этом свидетельствует переписка Клюева с Ширяевцем, завязавшаяся в 1913. "О, мать пустыня! Рай душевный, рай мысленный! Как ненавистен и черен кажется весь так называемый Цивилизованный мир, и что бы дал, какой бы крест, какую бы голгофу понес, чтобы Америка не надвигалась на сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку..." (Из письма Клюева Ширяевцу от 15 ноября 1914).

Термин впервые появился в литературной критике на рубеже 10-20-х XX столетия в статьях В.Л. Львова-Рогачевского и И.И. Розанова. Термин этот был использован, чтобы отделить поэтов "крестьянской купницы" (по определению С. Есенина) от крестьянских поэтов XIX в.

Новокрестьянских поэтов объединяли - при всех различиях творческого почерка и меры таланта - истовая любовь к деревенской России (вопреки России "железной"), желание высветить исконные ценности ее верований и морали труда, обихода. Кровная связь с миром природы и устного творчества, приверженность мифу, сказке определили смысл и "звук" новокрестьянской лирики и эпики; вместе с тем их создателям оказались вняты и стилевые устремления "русского модерна". Синтез древнего образного слова и новой поэтики обусловил художественное своеобразие их лучших произведений, а общение с Блоком, Брюсовым, другими символистами помогло творческому росту. Судьбы новокрестьянских поэтов после Октября (в пору их наибольших достижений) сложились трагически: идеализацию ими деревенской старины сочли "кулацкой". В 30-е годы они были вытеснены из литературы, стали жертвами репрессий.

Философия "избяного космоса", всечеловеческий пафос, любовь к родине, культ трудовой нравственности, кровная связь с родной природой, благословение родному их душе миру красоты и гармонии - вот главные общие устои, объединявшие поэтов "новокрестьянской" плеяды. В 1918 в книге "Ключи Марии" Есенин, исследуя природу "ангелического" образа, сформулировал общие черты поэтического мира своего и своих братьев, создав, по сути, теоретическое обоснование поэтической школы народного духовного реализма, воплощающей в себе вечное стремление русской души к движению в звуке, краске, созданию материального мира в вечной связи с

небесным. "Мы полюбили бы мир этой хижины со всеми петухами на ставнях, коньками на крышах и голубками на князьках крыльца не простой любовью глаза и чувственным восприятием красивого, а полюбили бы и познали бы самую правдивую тропинкой мудрости, на которой каждый шаг словесного образа делается так же, как узловая связь самой природы... Искусство нашего времени не знает этой завязи, ибо то, что она жила в Данте, Гёте, Шекспире и др. художниках слова, для представителей его от сегодняшнего дня прошло мертвой тенью... Единственным расточительным и неряшливым, но все же хранителем этой тайны была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня. Мы не будем скрывать, что этот мир крестьянской жизни, который мы посещаем разумом сердца через образы, наши глаза застали, увы, вместе с расцветом на одре смерти". Духовный наставник "крестьянской купницы" Клюев слишком хорошо понимал чуждость своих собратьев окружающему литературному миру. "Голубь мой белый, - писал он Есенину, - ведь ты знаешь, что мы с тобой козлы в литературном огороде и только по милости нас терпят в нем... Быть в траве зеленым, а на камне серым - вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть... Я холодею от воспоминания о тех унижениях и покровительственных ласках, которые я вынес от собачьей публики... Я помню, что жена Городецкого в одном собрании, где на все лады хвалили меня, выждав затишье в разговоре, закатила глаза и потом изрекла: "Да, хорошо быть крестьянином". ...Видите ли - неважен дух твой, бессмертное в тебе, а интересно лишь то, что ты холуй и хам-смердяков, заговорил членораздельно...".

Через 2 года эту же мысль по-своему отточит Есенин в письме к Ширяевцу: "Бог с ними, этими питерскими литераторами... Мы ведь скифы, приившие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники, им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина".

До революции поэты-"новокрестьяне" делали попытки организационно объединиться, то создавая литературное общество "Краса", прошедшее осенью 1915 поэтический вечер, получивший большую и далеко не благожелательную прессу, то принимая участие в создании литературно-художественного общества "Страда". Но общества эти просуществовали недолго и связь поэтов друг с другом всегда оставалась больше духовной, чем организационной.

Революцию они принимали с "крестьянским уклоном". Он заключался прежде всего в том, что поэты приняли революцию как осуществление народной мечты о мировой справедливости, совпадавшей для них со справедливостью социальной. Это не только установление справедливости на

просторах России, но и братство народов всей земли. Такое толкование имело глубокие корни, уходящие в нашу историю, в XIX в., в идеи Пушкина и Достоевского о "всечеловечности" русского характера, в своеобразные представления о культурно-историческом единении, сложившемся в творчестве русских писателей, в представлении о Москве - третьем Риме, чьим предшественником была Византия... Др. тема в их поэзии - тема крестьянского труда, глубинных связей его с бытом, с народным творчеством, с трудовой нравственностью. Исторически сложившуюся связь "природы", "куска хлеба" и, наконец, "слова" по-своему, в меру своего дарования, отразил каждый из поэтов "крестьянской купницы". "Сготовить деду круп, помочь развесить сети, лучину засветить и, слушая пургу, как в сказке задремать на тридевять столетий, в Садко оборотясь иль в вещего Вольгу". Эти стихи Клюева воплощают в себе мысль о труде, как о творческом акте, освященном тысячелетней традицией, создающем одновременно с материальными и духовные ценности, связующим человека, землю и космос в единое целое. Недаром стихи П. Радимова, демонстративно названные "Пашня", "Урожай", "Хлеб", "Стрижка овец", "Засолка огурцов", при чтении воспринимаются не просто как изображение трудового процесса, но и как торжественное эстетическое действие, благотворно влияющее на человеческую душу.

Еще одна тема, объединяющая поэтов "новокрестьянской" плеяды - тема Востока, крайне существенная для русской поэзии, ибо Восток в ней понимался не как географическое, а как социально-философское понятие, противоположное буржуазному Западу. Впервые Азия - "Голубая страна, окрашенная солью, песком и известкой" - появилась у Есенина в "Пугачеве", как земля прекрасная, далекая, недоступная... Чуть позже она возникает в "Москве кабацкой" уже как воспоминание об уходящем крестьянском мире, символом которого становится опять же изба с печью, принявшая облик кирпичного верблюда и уже тем самым объединившая Русь и Восток... А дальше были уже всем памятные "Персидские мотивы". Клюев сделал дерзкую попытку органически сплавить богатства "Вед" и "Махабхараты" с картинами природы олонецких лесов и революционными гимнами. "Белая Индия" входит неотъемлемой частью в созданный его творческим воображением "избяной космос". И Карпов в послереволюционные годы потянулся душой к сказочной прародине славянства: "Опрокинулись горы Кавказа, Гималаи, как карточный дом, и в тайник золотого оаза мы за солнцем свирепым идем...". Вспоминаются и изящные лирические миниатюры в стиле древневосточной поэзии А. Ширяевца, и цикл В. Наседкина "Согдиана", исполненный восхищения природой и архитектурой Востока.

"Порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе. Нам с тобою нужно принять это как знамение - ибо Лев и Голубь не простят власти греха ее", - писал Н. Клюев С. Есенину в 1922. Со сменой власти для поэтов - "новокрестьян" ничто не изменилось в лучшую сторону - их продолжали гнать и травить с еще большим ожесточением. После гибели Есенина к к. 20-х Клюев, Клычков, Орешин и их более молодые сотоварищи и последователи Наседкин, Приблудный были объявлены идеологами подлежащего слову "кулачества" и выразителями "кулацкой морали мироедов". Еврейской безбожной власти были чужды и ненавистны поэты "крестьянской купницы", все они, кроме фактически исчезнувшего из литературы Карпова, были уничтожены к концу 30-х.

Личность Николая Алексеевича Клюева (1884-1937) привлекла Блока еще в 1907 г. Родом из крестьян Олонецкого края, Клюев, которого учила "песенному складу" мать, сказительница и плачем, стал изоощренным мастером поэтического слова, связав "устное" и "книжное", тонко стилизуя былины, народные песни, духовные стихи. У Клюева даже революционные мотивы, присутствующие в ранней лирике, религиозно окрашены, с первой книги ("Сосен перезвон", 1912) образ народа видится в мистико-романтических тонах (К. Азадовский). Лирозепика на фольклорной основе, поэтическое пересоздание сельской жизни выразили, начиная со сборника "Лесные были" (1913), новокрестьянскую тенденцию. Неслучайно Клюев отвергал негативное изображение деревни Буниным и ценил Ремизова, Васнецова, а у себя выделял "Плясею" и "Бабью песню", славившие удаль, жизнестойкость народного характера. Одно из вершинных созданий Клюева, цикл "Избяные песни" (1914-16), воплотил черты мировидения севернорусского крестьянства, поэзию его поверий, обрядов, связь с землей, многовековым укладом и "вещным" миром. В основе густой образности Клюева с ее "фольклорным гиперболизмом" (В. Базанов) - олицетворения природных сил. Своеобычен язык поэта, обогащенный областными словами и архаизмами. В предоктябрьских стихах Клюев развивал миф о богоизбранности "избяной Руси", этой "белой Индии", ее живоносные начала противопоставлял - в духе идей группы "Скифы" - мертвенной машинной цивилизации Запада. Поначалу приняв Октябрь, Клюев вскоре ощутил трагизм происшедшего, многие его пророческие страницы не увидели света; в 1934 г. он был сослан, в 1937 г. - расстрелян.

Если в созданном Клюевым ощущался идеолог и проповедник, то огромный поэтический дар Сергея Александровича Есенина (1895-1925) покорял непосредственностью самовыражения, искренностью песенного голоса. Главным для себя поэт считал "лирическое чувство" и

"образность", истоки которой видел в "узловой завязи природы с сущностью человека", сохранившейся лишь в мире деревни. Вся метафорика Есенина построена на взаимоуподоблении человека и природы (у возлюбленной "сноп волос овсяных", "зерна глаз"; заря, "как котенок, моет лапкой рот"). Есенин по его словам, учился у Блока, Белого, Клюева. Близость к Клюеву - в тематике, образных "заставках", в сочетании пантеизма и поклонения христианским святым, в романтизации Руси в ключе новокрестьянской поэзии. Однако есенинский образ родины значительно многогранней и подлинней, чем у Клюева. Черты клюевского инока, богомольца, странника присущи лирическому "Я" раннего Есенина (первый сборник "Радуница", 1916). Но уже в стихотворении "О, Русь, взмахни крылами!" (1917) "монашью" образу учителя Есенин противопоставляет свой, "разбойный", заявляет о споре с "тайной бога", увлекает за собой молодых. Тогда же (в стихотворении "Проплясал, проплакал дождь весенний") поэт осознает свое признание как обреченность на крестьянскую муку творчества. Своих вершин искусство Есенина достигло в 1920-е годы. Но тогда же глубокий душевный кризис привел поэта к гибели.

Считая себя "голосом из народа", новокрестьянские поэты подчеркивали свое крестьянское происхождение и поэтическую родословную. В автобиографическом рассказе "Гагарья судьбина" Николай Клюев ведет родословную от своей "светлой матери", "былинницы" и "песенницы", высоко оценивая ее поэтический талант. Сергей Клычков признавался, что "языком обязан лесной бабке Авдотье, речистой матке Фекле Алексеевне". В атмосфере народной поэзии рос Сергей Есенин: "К стихам расположили песни, которые я слышал кругом себя, а отец мой даже слагал их". Новокрестьяне вполне осознанно дорожили своей биографией и не отказывались от родовых примет, что выражалось в их внешнем облике, одежде. По мнению В.Г. Базанова, они "разыгрывали социальный водевиль с переодеванием", "превратили и свой образ жизни, и свою внешность в наглядное средство агитации", цель которой - утверждение самоценности крестьянского мира. Исследователь подчеркивает осознанность, демонстративность, полемическую остроту этого "водевиля", задача которого - стремление "подчеркнуть значение крестьянских поэтов в общественном и литературном движении", противопоставить себя петербургским литературным салонам, с пренебрежением относившимся к деревне. Однако протест новокрестьян не был самоцельным, эпатажирующим. Они хотели быть услышанными и потому говорили на языке, понятном обществу. Видя в подобном поведении новокрестьянских поэтов "определенную литературную позицию", В.Г. Базанов вписывает ее в контекст культуры начала XX века, для

которой была характерна "маскарадность, стилизованность, ряженность". Новокрестьянские поэты хотели быть естественными в русле культурной ситуации начала века, когда каждое литературное течение "настойчиво подчеркивало свою "знаковость", приоритет своего мировидения, но, на наш взгляд, и не хотели раствориться в чужом окружении. Отсюда и подчеркнутая простоватость Н. Клюева, "гетры"-валенки С. Есенина и пр. Глубинное родство с народным духом, осознание самоценности крестьянского мировосприятия, новая общественная ситуация способствовали тому, что, в отличие от своих предшественников, новокрестьянские поэты именно в характере русского земледельца видели свою опору.

Свежесть лирических голосов, своеобразие мировосприятия, ориентация на самобытное крестьянское слово обратили на себя внимание литературной общественности, и в массе разноречивых отзывов преобладала высокая оценка поэзии новокрестьян А. Блоком, Н. Гумилевым, В. Брюсовым, А. Белым, А. Ахматовой и др. Ее типологическими качествами стали ориентация на традицию и ее длительность, известная ритуальность в выборе героев, острое, свежее чувство природы, отношение к крестьянскому быту как к целостному и ценностному миру и т.д.

Революция 1917 года, связавшая судьбу страны, ее будущее с пролетариатом, существенно изменила общественное мнение. Пролетарская культура, ищущая не только собственный поэтический язык, идеологию, но и читателя, агрессивно потеснила поэтов-новокрестьян, еще совсем недавно бывших голосом народа, трансляторами народной культуры. В середине 1917 года оформляется движение Пролеткультов, которое ставит перед собой крупномасштабную задачу - создание пролетарской культуры. Исходя из абсолютного отрицания прошлого, пролеткультовцы пытаются создать новое, революционное искусство с чистого листа, отрицая традицию как сдерживающее начало. Творцом новой культуры, по их мнению, мог стать только пролетариат - социальный слой, не укорененный в прежнем быте. Огромный культурный слой, духовный опыт народа, питавшие творчество новокрестьянских поэтов, оказались не востребованными в новой эстетической ситуации. Таким образом, модель культуры, предлагаемая пролеткультовцами, отвергала крестьянскую культуру. Литературному противостоянию пролеткультовцев и новокрестьян суждено было выйти за рамки культуры, поскольку в полемику вмешались внелитературные факторы.

С 1920-х годов негативное отношение к новокрестьянской поэзии определялось динамично менявшейся политической ситуацией: сначала введением продразверстки, затем индивидуального налогового обложения в деревне, позже - курсом на индустриализацию и массовым раскулачиванием.

Новокрестьянские поэты довольно скоро стали объектом не только литературных преследований и травли. Их имена стали синонимами опасных для жизни определений: "певцы кулацкой деревни", "кулацкие поэты", "бард кулацкой деревни" (О. Бескин о С. Клычкове). Их обвиняли в национализме, антисемитизме, "благоговеющей идеализации прошлого", "восхищении перед патриархальной рабовладельческой Русью" (О. Бескин о С. Клычкове, В. Князев о Н. Клюеве), в неприязни к новому, индивидуализму, мистицизму, реакционной идеализации природы, а подчас и прямо зачисляли в разряд классовых врагов (О. Бескин, Л. Авербах, П. Замойский, В. Князев). В сознание читателей внедрялась мысль о бесперспективности новокрестьянской поэзии, ее классовой чуждости.

Политическое содержание высказанных обвинений подтверждалось запретом на творчество. В конце 1920-х годов был взят курс на отлучение Клюева, Клычкова, Орешина, Есенина (посмертно) от литературы. Новокрестьяне стали объектом издевательских статей и пародий. Известны нападки А. Безыменского на Н. Клюева, литературно-политическая полемика О. Бескина и С. Клычкова, но, пожалуй, самый сокрушительный удар был нанесен по С. Есенину статьей Н. Бухарина "Злые заметки", опубликованной в 1927 году в газете "Правда". Главный идеолог партии, Н. Бухарин осознает, что мишенью его прямолинейных, фельетонных нападок является крупнейший национальный поэт, которого невозможно уничтожить грубым политическим шаржированием. Есенинские стихи не поддаются фальсификации, осмеянию даже такого полемиста, как Н. Бухарин. И потому он идет на подлог. Он пишет якобы не столько о поэте Сергее Есенине, сколько о "есенинщине - явлении самом вредном, заслуживающем настоящего бичевания" (41, 208). Расправляясь в статье с ушедшим поэтом, он целил свое осуждающее слово в тех, кто и после смерти С. Есенина продолжал мыслить категориями крестьянской культуры. Стремление скомпрометировать не только поэта, но прежде всего его поэзию, мировосприятие, общественную позицию было частью государственной политики раскрестьянивания, борьбы с мужиком.

1930-е годы - период творческого молчания и замалчивания новокрестьянских писателей: они пишут "в стол", занимаются переводами (например, С. Клычков). Их оригинальные произведения не публикуют. Последовавшие в 1937 году репрессии надолго вычеркнули имена Николая Клюева, Сергея Клычкова, Петра Орешина и др. из литературного обихода.

Интерес к творческому наследию крестьянских поэтов возобновляется лишь в 1960-80-е годы с возвращением поэзии Сергея Есенина. Одна за другой

выходят работы, посвященные творчеству поэта, - Е.И. Наумова, А. М. Марченко, Ю.Л. Прокушева, В. С. Выходцева, В.Г. Базанова и других.

Достаточно быстро обнаруживается "социальный заказ", определившийся отношением советской критики к крестьянству в революции. 1960-е гг. сужают творчество С. Есенина до рассмотрения одной деревенской темы. Есенин не погружен в литературный процесс первой трети XX века, его творчество представлено как иллюстрация политической незрелости и провинциальности, от которых С. Есенин постепенно избавляется (или не может избавиться). Рассматривая поэта в русле идеи революционизации крестьянства, литературоведы 1960-х гг. отмечают его "пассивную общественную позицию" (Е. Наумов, Ю. Прокушев, П. Юшин, А. Волков). Серьезным препятствием для создания стройной картины политического роста поэта стали религиозные мотивы его творчества и самоубийство, обстоятельство которого до сих пор вызывают много спекуляций. В 1980-е гг., как и сто лет тому назад, возобновился интерес к крестьянской культуре, к ее мифологической основе. В 1989 году переиздается труд М. Забылина "Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия", выходят работы Б.А. Рыбакова "Язычество древних славян" (1981), "Язычество Древней Руси" (1987), возвращаются в исследовательский обиход работы А. Афанасьева, появляются словари, книги по славянской мифологии. Как и в конце XIX века, общественная и культурная мысль стремится освоить эстетику крестьянского быта, осмыслить крестьянскую культуру как цивилизацию, увидеть в народном опыте возможность осмысления современных проблем.

Список использованной литературы

1. Михайлов А. Пути развития новокрестьянской поэзии. М., 1990;
2. Солнцева Н. Китежский павлин. М., 1992.